

УДК 902

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.157.165>

С.А. ТЕПЛОУХОВ И ГЕРО ФОН МЕРГАРТ: ДИАЛОГ ДЛИННОЮ В ВЕК

© 2021г. Е.В. Детлова

Статья посвящена диалогу двух ведущих археологов-сибиреведов 1920-х гг. С.А. Теплоухова и Геро фон Мергарта. Общение ученых, к сожалению, непродолжительное (оно ограничилось двумя личными встречами в 1920–1921 гг. и шестью письмами 1920–1929 гг.), тем не менее, было плодотворным. Итогом его стало создание С.А. Теплоуховым известной хронологической схемы древних культур Южной Сибири, которая в общих чертах остается актуальной и сегодня. Российско-германское сотрудничество, начатое учеными летом 1920 г., продолжилось в совместной работе их учеников. Отголоски этих контактов дошли до наших дней.

Ключевые слова: сибирская археология, С.А. Теплоухов, Геро фон Мергарт, эпистолярный диалог, российско-германское сотрудничество.

S.A. TEPLOUKHOV AND GERO VON MERHART: CENTURY-LONG DIALOGUE

E. V. Detlova

The paper is dedicated to a dialogue of two leading Siberian archaeologists of the 1920s - S.A. Teploukhov and Gero von Merhart. Unfortunately, the scientists' communication was short – it was limited to two personal meetings in 1920–1921 and six letters in 1920–1929. It was, nevertheless, fruitful. It resulted in the creation by S.A. Teploukhov of a well-known chronological scheme of ancient cultures of Southern Siberia, which in general terms remains relevant today. The Russian-German cooperation, started by the scientists in the summer of 1920, continued in the joint work of their students. The echoes of these contacts have reached our days.

Keywords: Siberian archaeology, S.A. Teploukhov, Gero von Merhart, epistolary dialogue, Russian-German cooperation.

«И тем самым я перехожу к Теплоухову, который был превосходным специалистом, усердным работником и великолепным человеком – и лежит погребенным где-то на Белом море, как это было и с Боровкой. Самое малое, что я хотел бы узнать и о чем бы охотнее всего услышал, что это неправда. Теплоухов был самым коллегиальным, самым сердечным и любезным собратом по профессии, которого я встретил в России <...> человек, с которым я ощутил себя связанным уже с первого рукопожатия. Я жил вместе с ним лишь около недели (и с очень славным Фиельструпом) в Томске <...> Фундаментальное распределение культур Теплоухова еще не было разработано и таким образом у нас было много возможностей подискутировать. А «степной телефон» летом сразу же сообщил ему, что я провожу раскопки в Абакане, и как он, так и я сам, нашли в равной степени прекрасным, чтобы тогда встретиться. Руденко там не было, и ни одна тень не омрачала эти дни встречи двух мужчин, которые ощущали себя и помимо профессиональных интересов, по-человечески, близкими друг другу. Ваше желание получить от меня рассказ о Теплоухове снова и снова заставляло меня откла-

дывать Ваше письмо. Но как бы охотно я ни выполнил это желание, как бы ни возвращался к нему в мыслях, я должен признать его неосуществимым. Все очень просто – я почти ничего не знаю о жизни Теплоухова, о ходе его штудий и его прочей работе. Я знаю только то, что он был настоящим товарищем, готовым прийти на помощь, веселым, общительным и что я был глубоко взволнован, когда мне откуда-то сообщили, что он был сослан в лагерь на Белом море» (Merhart, 1958, s. 229; Кузьминых др., 2007, с. 167, 168).

В этом небольшом фрагменте из опубликованной в 1958 г. в японском журнале «Палеология» статьи заключается, пожалуй, вся история взаимоотношений Сергея Александровича Теплоухова и Геро фон Мергарта – ученых, без преувеличения во многом определивших характер сибирской археологии в 1920-е гг.

Знакомство ученых состоялось в 1920 г. Летом того года физико-математическим факультетом Томского университета была организована Минусинско-Ачинская комплексная экспедиция, которую возглавил профессор Сергей Иванович Руденко, ее сотрудниками были С.А. Теплоухов и М.П.

Грязнов. Экспедицией проводились раскопки курганов и погребальных оградок бронзового и раннего железного веков, стоянок каменного века, велись этнографические наблюдения. В Томск были доставлены коллекции костяных и бронзовых предметов из раскопанных могильников (300 экз.), образцы керамики (70) из тех же погребений, остеологическая коллекция (70 костяков), а также коллекция бронзовых и железных предметов доисторических обитателей края, приобретенная у местных жителей (195 экз.), и др. (Томские музеи..., 2012, с. 22, 23).

С аналогичной же целью – поиски новых археологических памятников и проведение раскопок – в июне-июле 1920 г. в Минусинскую котловину отправилась гораздо более скромная по масштабу и числу участников экспедиция в составе заведующего археологическим отделом Музея Приенисейского музея Геро фон Мергарта и его помощника Георгия Петровича Сосновского. Маршруты двух экспедиций пересеклись на небольшом пятачке Абаканской степи: *«Мой дорогой коллега Теплоухов из Томского университета, который совсем незадолго до начала наших раскопок совершил несколько дневных поездок по северу степи, тотчас узнал, что у Абакана, там-то и там-то, какой-то военнопленный раскапывает курганы. Знали даже то, где мы проживаем»* (Merhart, 2008, s. 132).

Информация о второй и последней личной встрече Мергарта и Теплоухова в Томске в феврале 1921 г. еще более скупа. Упоминания австрийского археолога о поездке в Томск, куда он был приглашен на несостоявшийся в итоге конгресс по изучению Сибири, ограничиваются, кроме процитированного выше фрагмента из «Некоторых воспоминаний о Сибири», несколькими ремарками в письмах и мемуарах. Поездка поспособствовала знакомству Мергарта *«с прекрасными учеными и любезными людьми Томского университета и дала мне удобный случай бегло изучить тамошний музей»* (Merhart, 2008, s. 210).

«Отчет о раскопках Сергеева я также получил. Я был с ним в Красноярске, и он взял меня в своем вагоне <...> в Томск, где я был у Теплоухова» (Мергарт – Тальгрэн, 23.05.1922¹).

Что касается переписки Теплоухова и Мергарта, не так давно увидела свет наша совместная с уважаемым юбиляром статья, в которой тексты писем ученых опубликованы и проанализированы (Кузьминых, Детлова, 2021). К этой публикации я и отсылаю заин-

тересованного читателя. Чтобы не повторять изложенные в ней факты, – лишь несколько слов о содержании этих писем. Четыре послания Теплоухова (три письма 1920 г. и последовавшее после четырехлетнего перерыва письмо 1924 г.), а также «вклинившееся» между ними письмо Мергарта от 28.08.1924 (вернее, черновик ответа на одно из писем)² по большей части посвящены обсуждению раскопок близ села Батени на юге Енисейской губернии, которые с годами принимают все больший размах.

«Фундаментальное распределение культур Теплоухова³ еще не было разработано и таким образом у нас было много возможностей подискутировать» (Merhart, 1958, s. 229; Кузьминых и др., 2007, с. 167, 168). Это замечание, несмотря на его лаконичность, указывает на немаловажный факт – во время визита Мергарта в Томск ученые не вполне сошлись во взглядах на древние культуры Сибири. Зерно этой полемики было заложено ранее, в трех письмах Теплоухова Мергарту в Красноярск в ноябре-декабре 1920 г. Противоречия касались в первую очередь батеневского некрополя. На основании собранных в результате летних экспедиций материалов и наблюдений у каждого из археологов сформировалось свое представление о наличии и хронологии культурных ступеней на данной территории. Но Мергарт обследовал батеневские дюны бегло и поверхностно, не проводя раскопок или масштабных исследований. В итоге у него сложилось убеждение о присутствии здесь признаков палеолита и железного века, но не захоронений эпохи бронзы. Теплоухов, у которого было больше времени и возможностей для организации более глубокого обследования этого памятника, напротив, не обнаружил следов палеолита на территории некрополя и был удивлен заключением австрийского коллеги.

Дискуссия ученых по Батеневскому археологическому микрорайону продолжилась далее и стала ведущей темой переписки, которую они возобновили в 1924 г. Если в 1920–1921 гг. Теплоухов лишь находился на подступах к созданию своей знаменитой хронологической схемы, то к началу нового витка переписки он уже располагал достаточным объемом материала и информации, чтобы оформить свои наблюдения в стройную и логичную систему. Письмо 1924 г. Теплоухова подводит итог его работы на памятниках Батеневского микрорайона. Финальный аккорд переписки – письмо Теплоухова от

1929 г. – связан уже с Тувой, куда смещается фокус исследовательского интереса советского археолога в конце 1920-х гг.

Не менее важным, нежели прямой диалог этих столпов сибирской науки, представляется то, что осталось за рамками их непосредственных контактов, сохранилось и отразилось в переписке с другими корреспондентами.

За рамками личного общения – в диалоге с миром

Имя Теплоухова в переписке Мергарта с другими коллегами-учеными по интенсивности упоминания может посоперничать с именем любого русского корреспондента. *«Знает ли кто-нибудь, где Теплоухов Сергей Александрович. Его адрес. Что он раскопал в Енисейской губернии»* (Мергарт – Городцову, 16.05.1922), – вопрос, адресованный В.А. Городцову, в подобной формулировке повторяется в посланиях и другим собратям по цеху. И практически ни одно письмо Мергарта не обходится без приветов Теплоухову. Об этом австрийский ученый часто просит, к примеру, своего финского друга и коллегу Арне Михаэля Тальгрена, который имеет возможность изредка бывать в России: *«Ну и позвольте просить Вас передать от меня приветы всем знакомым, Штернбергу, Спицыну, прежде всего и особенно сердечно, Теплоухову, Тугаринову и неизвестному Руденко, мимо которого я, увы, всегда проезжал мимо»* (Мергарт – Тальгрена, 03.05.1924).

Все эти годы Мергарт не переставал пристально следить за ходом изысканий Теплоухова в Енисейской губернии. В свое время ему самому не удалось должным образом проверить свои гипотезы относительно древних культур Сибири: ограниченный срок полноценной научной работы в Музее Приенисейского края (менее двух лет), бытовые обстоятельства, скудность имевшегося в его распоряжении фактического материала не позволили австрийскому археологу продолжить исследования и придти к выводам, основанным на серьезной доказательной базе. Продолжить работы в Сибири Мергарт, к сожалению, также не смог. Результаты раскопок Теплоухова должны были дать ответы на многие вопросы, волновавшие Геро Вальтеровича. Сергей Александрович и другие сибирские археологи в известной степени стали глазами и ушами австрийского ученого: *«В Сибири прилежно трудятся <...> Теплоухов, как я слышал, снова вскрыл множество курганов в прошлом году, так что можно надеять-*

ся, что мы в обозримое время получим больше позитивного знания о культуре бронзы» (Мергарт – Тальгрена, 04.04.1924).

Львиной долей информации о планах и фактической работе Теплоухова в Енисейской губернии Мергарт обязан красноярским коллегам, которые тесно общались с Теплоуховым во время его экспедиций на юге края. Так, из писем красноярцев мы узнаем, что *«успешно работал»* Теплоухов в Минусинской котловине в 1923 (Сосновский – Мергарту, 01.06.1923) и 1924 гг. (Тугаринов – Мергарту, 28.05.1924; Сосновский – Мергарту, 28.04.1924), а летом 1925 г. планировал возобновить раскопки в районе Батеней и исследовать палеолитическую стоянку; о том, что Теплоухов редко выходит на связь, испытывает материальности трудности, связанные с недостаточным финансированием своих изысканий (Ауэрбах – Мергарту, 04.05.1925; Тугаринов – Мергарту, 08.03.1925). Красноярские коллеги, кроме того, информируют и снабжают Мергарта новинками профессиональной литературы, опубликованными русским ученым: *«С.А. Теплоухов ничего не печатал, кроме небольшой заметки «Следы доисторической жизни в Минусинском крае». Географический Вестник. Издание Географического института. Петроград 1922 г. т. 1, в. 2–3. К сожалению, экземпляр этого выпуска в библиотеке Музея не имеет страниц с этой заметкой. Посылаю Вам две выписки о работах Теплоухова и информационный бюллетень № 2»* (Ауэрбах – Мергарту, 17.08.1925).

Но самые обстоятельные, детальные отчеты о работах Теплоухова Мергарт регулярно получает от своего бывшего ассистента в отделе археологии Музея Приенисейского края Г.П. Сосновского. В мельчайших подробностях тот сообщает о маршруте и передвижениях Теплоухова по территории Енисейской губернии, о ходе его работ, которые как непосредственный участник многих раскопок Теплоухова он имеет возможность наблюдать лично: *«Как участник экспедиции Теплоухова я нашел новые палеолитические стоянки у с. Анаш (напротив Аешки и д. Улазы). Собрано около 30 орудий <...>»*.

С.А. Теплоухов имел большие средства и раскопал около с. Батеней и д. Сарагаиш 75 погребений (неолит – Афанасьевская культура, медь и бронза – Андроновская, гробницы, классические курганы, коллективные – железо – курганы с каменной насыпью и могилы). Особенно интересна находка в одном кургане железн[ого] века (при раскопке я присутство-

вал) 12 фрагментов гипсовых масок. Материал у Теплоухова добыт огромный. Есть новые и интересные находки вещей. Коллекции поступили в г. Петроград – Русский музей» (Сосновский – Мергарту, 24.12.1923).

«С.А. Теплоухов у с. Батени нашел на глубине 21 метра палеолитический культурный слой *in situ*. Производил также с известным путешественником Козловым раскопки погребений китайской культуры в Монголии» (Сосновский – Мергарту, 06.12.1924).

С профессиональной точки зрения письма Сосновского наиболее содержательны. Его сообщения отчасти дополняют характеристики культур, данных самим Теплоуховым в письмах Мергарту, и содержат прямые отсылки к его работам: «Афанасьевская культура – это неолит. Найдена она Теплоуховым в 1920 г. Керамика и общий вид могил не имеет параллелей в северной зоне. По-моему, это самостоятельная южная культура позднего неолита. Андроновская культура имеет широкое распространение в западной Сибири и восточной России. Напишите Теплоухову, чтобы он выслал Вам заметку о его раскопках, напечатанную в 1922 г. в Вестнике Географического института в г. Петрограде, выпуск 3-й и обзор отчетной выставки этнографического отдела Русского музея 1924 г. Там даны краткие характеристики 8-ми культурных ступеней, которые Теплоухов устанавливает для района с. Батеней⁴ <...>».

Изыскания Теплоухова вносят поправки в ваши заключения о том, что люди бронзового века жили рядом с народом железной культуры в одно и то же время на территории Минусинского края. Мне кажется, что есть данные говорить, что вначале был медный век (Андроновская культура и, возможно, культура гробниц) и затем несколько стадий бронзы (классическая бронза курганов, коллективные погребения – конец бронзы). Теплоухов лучше на это может ответить. Бронза постепенно перешла потом в железный век» (Сосновский – Мергарту, 03.03.1924).

В конце 1920-х гг., когда Мергарт уже осознанно не занимался сибирскими исследованиями, его интерес к этим темам все же не угас. Он старался держать в поле зрения прогресс и достижения российских археологов. Сведения о Теплоухове в этот период он получал в основном от Тальгрена и столичных ученых. Например, от сотрудника Музея антропологии и этнографии АН СССР Алексея Викторовича Шмидта: «<...> консерватор Эрмитажа Г. Боровка уехал в Монголию, где он хотел

копать севернее от Улан-Батора (Урга), там, где С. Теплоухов и он в прошлом году сделали блестящие открытия. Могилы I века (примерно) после Р.Х.! С тканями, деревом, коврами!!» (Шмидт – Мергарту, 19.06.1925).

Единственным моментом, бросившим тень на взаимоотношения Мергарта с русскими учеными в целом и Теплоуховым в частности был конфликт австрийского ученого с ведущим советским археологом того времени Василием Алексеевичем Городцовым. Инцидент, невольным участником и зрителем которого стал и Теплоухов, произошел летом 1924 г. Городцов (будучи руководителем Археологического подотдела Главнауки НКП РСФСР) инспектировал тогда состояние сибирской археологии, прежде всего по материалам и экспозициям музеев Иркутска, Красноярска, Минусинска. Выступая 31.08.1924 с докладом на заседании Красноярского подотдела Русского географического общества, он довольно резко высказался о некоторых аспектах деятельности Мергарта в Сибири. В частности, обвинил его (дипломированного геолога!) в незнании местной геологии (по сути – в некомпетентности), а также в фальсификации некоторых изображений археологических находок. Протокол этого заседания, без купюр зафиксировавший выступление Городцова, попал в руки Мергарта. Оскорбленный до глубины души несправедливыми замечаниями, задевающими его честь ученого и человеческое достоинство, свою обиду и негодование австрийский археолог выплескивает в письмах Тальгрелю. Претензии и упреки в бездействии высказываются им не только в адрес Городцова, но и всех присутствовавших на том злополучном заседании, в том числе и Теплоухова. Мергарт чувствовал себя униженным вдвойне: бездоказательная «порка» проходила в присутствии чело- века («также присутствовал Теплоухов») (Мергарт – Тальгрелю, 07.04.1925), к которому он испытывал безграничное уважение, потеря профессиональной чести в глазах Теплоухова была для него особенно болезненна. Не случайно поэтому требование разобраться в ситуации Мергарт направляет Красноярскому подотделу, красноярским музейщикам и лично Теплоухову: «Увы, Городцов мне не «досягаем». Я написал ему, Отделу и Теплоухову <...> Отделу я написал о прояснении точного положения дел и о фотографии объекта. Теплоухову аналогично – о сообщении, как и что он там понял. Большего, к сожалению, сделать не могу, пока сам туда не приеду» (там же).

В отличие от красноярских музейщиков, которые все же отреагировали на вполне справедливые вопросы и претензию Мергарта, Городцов и Теплоухов никак не обозначили своих позиций: *«Не видели ли Вы Городцова? Неужели он не нашел для меня ни единого слова, после того, как ушел от даже самого короткого объяснения своего обвинения? <...> Вы ничего не слышали о Теплоухове, который был моим добрым другом, но за два года не ответил ни строчки на мои вопросы и просьбы»*⁵ (Мергарт – Тальгрону, 19.09.1925).

К открытому конфликту Мергарта с русскими археологами эта ситуация не привела. Однако горькое послевкусие инцидента и разочарование поведением коллег отразились на тоне и стиле последующих писем австрийского ученого. Если до этого, отзываясь о трудах и достижениях российских специалистов, он не позволял себе скепсиса или иронии, то отныне в письмах проскальзывают порой язвительные, окрашенные вполне понятной профессиональной ревностью ремарки по поводу того, что русским археологам свойственно приписывать исключительно себе заслуги в открытии новых памятников, а также и того, что количество найденных ими находок и вскрытых курганов в Сибири не переходит в качество. Т. е. результаты работ не публикуются должным образом: *«Мне прислали выдержки из «Древнего мира» от 1.08.1924, где Городцов на стр. 19–23 докладывает о раскопках и исследованиях и для видимости не раз упоминает, что также и некий Мергарт там работал <...>. Но рассказывать на стр. 12, что Теплоухов открыл палеолит Батени, – это практически фальсификация фактов...»* (там же).

«Вы счастливчик, который видел раскопки Руденко и Теплоухова! Старые я ведь тоже видел и всегда надеялся, что их наконец опубликуют. Вместо этого люди раскапывают все новые и потрясающе интересные вещи и ничего не дают об этом знать» (там же).

Эта ситуация все же не нанесла непоправимого вреда дальнейшему общению Мергарта с русскими ученого, досада и негатив оказались довольно непродолжительными и быстро сошли на нет. Отношения – и личные, и профессиональные – Мергарта и Теплоухова не претерпели изменений со временем и всегда отличались взаимным уважением, доверием, признанием и высокой оценкой заслуг и достижений другого. На протяжении многих лет Мергарт интересовался перемена-

ми в жизни Теплоухова. Но когда после 1929 г. оборвались все нити, связывающие австрийского ученого с российской наукой, о трагической судьбе Теплоухова Мергарт долгое время оставался в неведении. И он, и Тальгрэн не теряли надежды на скорое возобновление связей и сотрудничество с советскими учеными. Так, Теплоухова и других советских археологов ожидали и на археологическом конгрессе в Стокгольме в августе 1933 г.: *«В эти дни я еду в Стокгольм, где буду выступать с докладом. Миннз также прибудет в Стокгольм и, вероятно, также С.А. Теплоухов. Я в восторге. Жаль, что Вас там не будет <...> Я расскажу Вам все, если славный Сергей Александрович действительно приедет»* (Тальгрэн – Мергарту, 26.08.1933).

Этим надеждам не суждено было сбыться. *«Сергей Александрович, к сожалению, не был там <...>»* (Тальгрэн – Мергарту, 13.09.1933). Как не было и других археологов из СССР. В то время над головой Теплоухова и многих из его коллег уже сгустились тучи. Об истинном положении дел и репрессиях в отношении ученых в Советском Союзе Мергарт узнал намного позже. Этими известиями он был потрясен и шокирован. *«Самое малое, что я хотел бы узнать и о чем бы я охотнее всего услышал, что это неправда»* (Merhart, 1958, s. 229; Кузьминых и др., 2007, с. 167, 168).

Казалось бы, с трагической кончиной Теплоухова в 1934 г. и смертью Мергарта, который пережил своего русского собрата по цеху на четверть века и умер в 1959 г., в их в общем-то не слишком продолжительном диалоге можно поставить точку. Однако история на этом не заканчивается. Начатое в далеком 1920 г. в Абаканской степи российско-германское сотрудничество продолжилось в судьбе и научном творчестве учеников героев данного повествования.

Продолжение истории

Мергарт всегда ратовал за объединение усилий ученых разных стран и в свое время уповал на то, что русские коллеги примут во внимание и результаты его собственной деятельности: *«Было бы жаль, если обе серии наблюдений будут печататься параллельно, вместо того, чтобы дополнить друг друга»* (Мергарт – Тальгрону, 03.05.1924); *«Теплоухову уж будет что сказать к нашим хронологиям. Меня несказанно радует, что мы так скоро и так основательно придем к контролю. Сибирь оживет. Приятно, что мы сможем причислить себя к ее новым воскресителям. И тогда мне пришло в голову, что я не получил*

корректур моего последнего исследования. Она, вероятно, отложена? Я лишь хотел бы, чтобы ее можно было использовать, когда Теплоухов дойдет до разработки» (Мергарт – Тальгрёну, 13.08.1924).

Мергарт и Теплоухов были не только превосходными специалистами в области сибирской археологии, но и выдающимися педагогами, оказавшими значительное влияние на формирование новой генерации археологов в своих странах. Своим ученикам они смогли привить интерес не только к археологической науке, но и к совместной с коллегами из других стран работе. В этой связи в первую очередь приходят на ум имена Михаила Петровича Грязнова и Германа Мюллера-Карпе. С Грязновым Мергарту в свое время не удалось познакомиться лично. Однако о перспективном студенте Томского университета, его деятельности и успехах он был достаточно наслышан и от других коллег («Только что появилось хорошее сочинение М. Грязнова (ученик Теплоухова). Погребение бронзовой эпохи в Западном Казахстане (об андроновских могилах на реке Урал, где-то между Оренбургом и Орском)» (Шмидт – Мергарту, 03.11.1927), и от самого молодого ученого. Поводом к началу эпистолярного диалога, инициатором которого выступил Грязнов, послужил фундаментальный труд Мергарта «Бронзовый век на Енисее» (Merhart, 1926). В свое время он стал важным звеном в отношениях Мергарта с учителем Грязнова – Теплоуховым. Для Мергарта мнение и оценка его книги такого авторитетного специалиста, как Теплоухов, были крайне важны: «Небольшая книга о бронзовой культуре, которая, возможно, появится еще осенью, сделает еще один шаг в этом направлении. Но сперва я недавно написал Тальгрёну, как я радуюсь, что Теплоухов в состоянии сразу приступить к критике моей работы и что т. о. эта работа не будет пылиться в библиотеке» (Мергарт – Тугаринову, 26.08.1924). Не случайно во введении Мергарт выразил глубокую признательность С.А. Теплоухову «за коллегиальный прием и большую поддержку» (Merhart, 1926, s. 8).

С немалым трепетом, с которым в свое время Мергарт ожидал рецензии Теплоухова, вердикта Мергарта относительно своих публикаций (Грязнов, 1927; 1930) и предположений относительно выделенного им «нового для Сибири культурного очага» (Детлова, Кузьминых, 2014, с. 119) ожидает Грязнов. К тому времени он уже не подающий надежды студент, а состоявшийся специалист, которо-

му есть что предъявить профессиональному сообществу. Мергарт и Грязнов обменялись всего тремя письмами (два письма 1927 г. и одно 1930 г.). Вернее, это был односторонний диалог: авторство всех посланий принадлежит Грязнову. Переписка ученых в связи с арестом и ссылкой Михаила Петровича оборвалась и, к сожалению, не возобновилась после его возвращения в Эрмитаж (Детлова, Кузьминых, 2014, с. 112–121).

Эстафетную палочку в диалоге с Грязновым подхватил ученик Мергарта, представитель послевоенного поколения «марбуржцев» – профессор Герман Мюллер-Карпе, которому во время визитов в 1980-е гг. в Советский Союз довелось пообщаться с Грязновым. О встрече с советским археологом, к которому Мюллер-Карпе питал безграничное уважение, он вспоминает в своем предисловии к немецкому изданию труда Грязнова о кургане Аржан: «М.П. Грязнов много рассказывал мне о деятельности Геро фон Мергарта в Красноярске и в Минусинской котловине и позволил ощутить мне то безграничное уважение, которое оказывали участвовавшие с тех пор в фундаментальном изучении сибирских курганов. Так что настоящая рукопись посвящена памяти Г. ф. Мергарта, который, как и В. Радлов, в своей персоне воплотил плодотворную связь немецкого и русского исследования в усилиях по прояснению сибирских курганов и тем самым подал пример всем нам, ныне живущим» (Müller-Karpe, 2010, s. 19).

Причудливым образом в диалоге Мергарта и Теплоухова появился и «японский след». Эта история, которая в итоге растянулась на полвека и завершилась уже в наше время, началась в 1955 г. Тогда к уже немолодому, но по-прежнему авторитетному австрийскому ученому, который даже в послевоенное время для многих оставался единственным звеном, связующим западный и восточный научный мир с Россией, с просьбой написать очерк о Теплоухове обратился японский археолог, редактор журнала «Палеология», профессор Бунэй Цунода: «С точки зрения истории археологии мы, японские археологи, очень интересуемся методом изучения микрорайонов С.А. Теплоухова и его личностью. Вы писали о нем во введении к Вашей работе, упомянутой выше. И, я полагаю, Вы – единственная персона за пределами Советского Союза, кто общался с Теплоуховым. Поэтому не будете ли Вы любезны внести свой вклад в нашу «Палеологию» и написать о д-ре Теплоухове, его личности и археологических достижениях».

ях?» (Цунода – Мергарту, 14.03.1955). На этот призыв Мергарт откликнулся письмом-воспоминанием, опубликованном в 1958 г. в журнале «Палеология». Фрагмент из публикации приведен в начале статьи.

Десятилетия спустя, уже в переписке с другими учеными, профессор Цунода развил свою мысль – почему столь важны были исследования Теплоухова, «*который внес большой вклад в археологию Евразии*», для японских ученых: «*В 1900 г. приглашенный в Ленинград, чтобы исследовать зеркала, найденные на раскопках кургана в Ноин-Ула в Монголии, профессор Суедзи Умехара среди других древнекитайских вещей изучал и те, которые были найдены на раскопках в Минусинске. И сделал важное предположение о возрасте древнекитайских вещей. Кроме того, он произвел важное наблюдение относительно структуры кургана Ноин-Ула. В это время профессор Умехара и встретился с профессором Теплоуховым и многое узнал о взаимоотношениях культур северной Азии.*

В 1936 г. в университете Киото я слушал курс профессора Умехары, который существенно углубил мой интерес к древним северным культурам. Годы спустя я читал что-то из трудов Теплоухова (часто многое находил для понимания отношений между Сибирью и Древним Китаем, терминология [Теплоухова] широко распространена в японской археологии)» (Цунода – Детловой, 26.12.2007).

С идеей опубликовать полноценный очерк, посвященный Теплоухову, Бунэй Цунода не расставался на протяжении всей жизни. «*Написать биографию С.А. Теплоухова*», который «*вел раскопки в Минусинске*» и сведения о котором было «*трудно получить*» в Японии, японский ученый просил коллег и во время своего визита в Россию в 1997 г. (Цунода – Детловой, 18.12.2007).

Тогда этот замысел, увы, не был реализован. Однако адресованная японским ученым в свое время Мергарту, а позднее – и к другим советским коллегам просьба все же не осталась без ответа. Наша переписка, нача-

тая в 2007 г. и, к сожалению, очень быстро оборвавшаяся в связи с кончиной уважаемого сэнсэя в 2008 г., ознаменовалась как минимум одним полезным деянием. Профессор Кемеровского университета Людмила Юрьевна Китова написала посвященный Теплоухову очерк, который был опубликован в Японии в 2009 г. (Kitova, 2009). Профессор Цунода еще успел познакомиться с ним и порадоваться тому, что его давнее желание было исполнено.

Завершить это скромное сочинение я хотела бы цитатой из книги профессора Германа Парцингера, немецкого археолога, организатора и участника экспедиций в Сибирь в конце 1990-х – начале 2000-х гг., ученика еще одного выпускника марбургской Семинарии Мергарта – профессора Георга Коссака. Свое масштабное исследование о древнем населении Евразии профессор Парцингер не случайно посвятил памяти Теплоухова и Мергарта: «*Судьба свела их в период полной бедствий истории наших народов начала 20-го века, и оба позднее пали жертвами еще более наполненных несчастьями десятилетий после этого: Мергарта национал-социалисты вытеснили с должности, Теплоухов покончил с собой в одном из сталинских лагерей. Когда они, мужчины примерно 35-летнего возраста, встретились друг с другом на Енисее, их связывало одно стремление, а именно – реконструировать раннюю историю Южной Сибири. Факт, что оба во время Первой мировой, которая уже близилась к концу, сражались по разные стороны, при этом большие не играл роли, что подчеркивает объединяющий народы характер археологической науки <...>. В хаотических обстоятельствах бушующей тогда в России гражданской войны предпринятые Мергартом и Теплоуховым усилия были на долгое время последней германо-русской совместной работой в области археологического изучения Сибири <...> Более чем 70 лет должно было пройти, прежде чем начатое Мергартом и Теплоуховым было продолжено» (Parzinger, 2006, s. 7, 8).*

Примечания:

¹ Письма Мергарта Тальгрену сохранились в личном архиве финского археолога в Рукописном отделе Национальной библиотеки Финляндии (РОНБФ. Coll. 230.7). Благодарю С.В. Кузьминых за возможность ознакомиться с этими документами.

² Адресованные Мергарту письма от русских археологов, а также черновики некоторых его писем им сохранились в личном фонде Мергарта в Архиве Марбургского университета.

³ Мергарт имеет в виду известную хронологическую схему классификации древних культур Южной Сибири, разработанную С.А. Теплоуховым.

⁴ Эту публикацию Мергарт получил от самого Теплоухова: «**Теплоухов прислал мне Отчетную выставку, 1923, со статуэткой из Костенок и фотографией реконструированной маски. Я, конечно, был ошеломлен**

(Мергарт Тальгрени, 13.08.1924).

⁵ Впрочем, в этом году Теплоухов не поддерживал связь и с красноярскими музейщиками («Теплоухов и мне ничего не пишет») (Сосновский–Мергарту, 28.01.1925).

ЛИТЕРАТУРА

Грязнов М.П. Погребения эпохи бронзы в Западном Казахстане // Казаки: Антропологические очерки. Вып. 1. / Ред. С.И. Руденко. Л.: АН СССР, 1927. С. 179–221.

Грязнов М.П. Казахстанский очаг бронзовой культуры // Казаки: Антропологические очерки Вып. 3. / Ред. С.И. Руденко. Л.: АН СССР, 1930. С. 149–162.

Детлова Е.В., Кузьминых С.В. «Я очень интересуюсь Вашими работами»: к истории взаимоотношений М.П. Грязнова и Г. Мергарта // Теория и практика археологических исследований. 2014. №2 (10). С. 112–121.

Кузьминых С.В., Детлова Е.В., Салминен Т. Геро фон Мергарт и его последнее воспоминание о Сибири // Археологические материалы и исследования Северной Азии Древности и Средневековья / Отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск: ТГУ, 2007. С. 160–173.

Кузьминых С.В., Детлова Е.В. «Ваше мнение и все замечания относительно моих соображений я приму с громадной благодарностью»: письма С.А. Теплоухова и Г. Мергарта // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сборник научных статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова / Труды ИИМК РАН. Т. LVII / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК, 2021. С. 137–162.

Томские музеи. Музеи университетов: Материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области» / Ред. С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняка. Томск: ТГУ, 2012. 388 с.

Kitova L. Sergei Alexandrovich Teploukhov: Hidden Pages of His Biography // *Cultura Antiqua*. 2009. Vol. 60. Num. 4. P. 162–167.

Merhart G. Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: Anton Schroll & Co., 1926. 189 s.

Merhart G. Einige Erinnerungen an Sibirien // *Palaeologia*. 1958. Vol. 7. S. 227–229.

Merhart G. Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen / Hg. H. Parzinger. Wien, Köln, Weimar: Böhlau Verlag, 2008. 287 S.

Müller-Karpe H. Persönliche Erinnerungen an Gero von Merhart // Gero von Merhart. Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914–1921. Marburg, 2010. S. 11–20 (Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. Bd. 59.)

Parzinger H. Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum zum Mittelalter. München: C.H. Beck, 2006. 1044 S.

Информация об авторе:

Детлова Екатерина Владимировна, старший научный сотрудник, Красноярский краевой краеведческий музей (г. Красноярск, Россия); detlova2012@yandex.ru

REFERENCES

Gryaznov, M. P. 1927. In Rudenko, S. I. (ed.). *Kazaki: Antropologicheskie ocherki (Казаки: Антропологические очерки)* 1. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 179–221 (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1930. In Rudenko, S. I. (ed.). *Kazaki: Antropologicheskie ocherki (Казаки: Антропологические очерки)* 3. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 149–162 (in Russian).

Detlova, E. V., Kuzminykh, S. V. 2014. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and Practice of Archaeological Research)* 2 (10). 112–121 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Detlova, E. V., Salminen, T. 2007. In Chindina, L. A. (ed.). *Arkheologicheskie materialy i issledovaniia Severnoi Azii Drevnosti i Srednevekov'ia (Археологические материалы и исследования Северной Азии Древности и Средневековья)*. Tomsk: Tomsk State University, 160–173 (in Russian).

Kuzminykh, S. V., Detlova, E. V. 2021. In Smirnov, N. Yu. (ed.). *Tvorets kul'tury. Material'naiia kul'tura i dukhovnoe prostranstvo cheloveka v svete arkheologii, istorii i etnografii: Sbornik nauchnykh statei, posviashhennyi 80-letiiu professora Dmitriia Glebovicha Savinova (The Creator Of Culture Material Culture And The Human Spiritual Space In The Light Of Archaeology, History And Ethnography: Collection of scientific papers dedicated to the 80th anniversary of Professor Dmitriy Glebovich Savinov)*. Series: Proceedings of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences LVII. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 137–162 (in Russian).

Fominykh, S. F., Cherniaka, E. I. (eds.). 2012. Tomskie muzei. Muzei universitetov: Materialy k entsiklopedii "Muzei i muzeinoe delo Tomskoi oblasti" (*Tomsk Museums. University Museums: Materials for the Encyclopedia "Museums and Museum Studies of the Tomsk Region"*). Tomsk: Tomsk State University (in Russian).

Kitova, L. 2009. In *Cultura Antiqua*. 60 (4), 162–167 (in English).

Merhart, G. 1926. *Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens*. Wien: Anton Schroll & Co. (in German).

Merhart, G. 1958. In *Palaeologia*. (7), 227–229 (in German).

Merhart, G. 2008. *Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen*. Wien, Köln, Weimar: Böhlau Verlag.

Müller-Karpe H. 2010. Persönliche Erinnerungen an Gero von Merhart In *Gero von Merhart. Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914–1921. Marburg*, 11-20 (Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. Bd. 59.)

Parzinger, H. 2006. *Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum zum Mittelalter*. München: C.H. Beck (in German).

About the Author:

Detlova Ekaterina V. Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore, Dubrovinsky, Str. 84, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation; detlova2012@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.08.2021 г.
Статья принята к публикации 01.10.2021 г.

УДК 902/908

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.5.166.174>

«ЭТОТ ГОД – ТЯЖЕЛЫЙ ДЛЯ МЕНЯ ГОД»: НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ АУЭРБАХ В 1930 Г.

© 2021г. А.С. Вдовин

В статье представлены материалы последнего года жизни Н.К. Ауэрбаха (1892–1930) – археолога, историка и одного из организаторов сибирской науки в период заката «золотого десятилетия краеведения». Используемые документы содержат информацию, не отраженную в официальных документах, и позволяют воссоздать некоторые страницы сибирской археологии, которые дают возможность почувствовать дух времени и атмосферу научного поиска, а также показать роль ученого в осуществлении научных связей между отечественными и зарубежными учеными. Среди корреспондентов Н.К. Ауэрбаха в этот период – В.А. Городцов, П.П. Ефименко, С.А. Теплоухов, Б.Э. Петри, С.Н. Замятнин, Г.К. Мергарт, Г.Ф. Осборн, Г. Савицкий, А.М. Тальгрэн, В.М. Толмачев, Л. Савицкий, А. Брейль, Ж. де Бая и др. В работе использован значительный корпус документов из центральных и региональных архивов, большинство из которых вводится в научный оборот впервые. Особый интерес представляют письма Н.К. Ауэрбаха к известному отечественному археологу и его учителю В.А. Городцову. Исследование расширяет данные о жизни и деятельности видного сибирского ученого, внесшего значительный вклад в археологию и организацию научных исследований Сибири.

Ключевые слова: история археологии, Н.К. Ауэрбах, В.А. Городцов, Общество изучения Сибири, «Новоэкспорт», Афонтова гора, Мальта, Красноярск, Иркутск, Новосибирск.

“THIS YEAR IS A DIFFICULT YEAR FOR ME”: NIKOLAI KONSTANTINOVICH AUERBACH IN 1930

A. S. Vdovin

The paper features materials of the last year of N.K. Auerbach (1892–1930) – archaeologist, historian and one of the organizers of Siberian science during the sunset of the “golden decade of local history”. The documents used contain information that is not reflected in official documents, and make it possible to recreate some pages of Siberian archaeology, allowing to recreate the spirit of the times and the atmosphere of scientific research, as well as to show the role of the scientist in the implementation of scientific relations between domestic and foreign scientists. Among N.K. Auerbach’s correspondents during this period are V.A. Gorodtsov, P.P. Efimenko, S.A. Teploukhov, B.E. Petri, S.N. Zamyatnin, G.K. Mergart, G.F. Osborne, G. Savitsky, A.M. Thalgren, V.M. Tolmachev, L. Savitsky, A. Breuil, J. de Baye, and others. The study has involved a considerable amount of documents from the central and regional archives, most of which are introduced into scientific discourse for the first time. Of particular interest are the letters by N.K. Auerbach to the famous Russian archaeologist and his teacher V.A. Gorodtsov. The study significantly expands the information about the life of the prominent Siberian scientist who made a significant contribution to archaeology and the organization of scientific research in Siberia.

Keywords: history of archaeology N.K. Auerbach, V.A. Gorodtsov, Society for the Study of Siberia, No-voexport, Afontova Gora, Malta, Krasnoyarsk, Irkutsk, Novosibirsk.

Год 1930 для отечественной науки был тяжелым и полным драматических событий. В стране началось свертывание краеведческого движения, переориентация научных исследований в интересах индустриального освоения Сибири. Прекращаются работы над «Сибирской советской энциклопедией», и в целом Общество изучения Сибири находится на пороге закрытия. Второй Сибирский научно-исследовательский съезд, который планировали провести 1930–1931 гг., так и не состоялся.

Для Н.К. Ауэрбаха – последний год жизни ученого. В письмах своему учителю В.А.

Городцову он часто жалуется на усталость и на здоровье: «Этот год – тяжелый для меня год. Как вернулся после лета – все мучаюсь с квартирой. Усиленно меня выселяли, форменно вымораживали, в результате чего и жена, и наследник, и я сам заболели, простудились и испытали много неприятностей, вплоть до настоящей голодовки в продолжении трех дней – не кому было выйти за продуктами – все лежали больными. Теперь все поправились, а я опять «бегаю» и бодр духом» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 376. Л. 198).

Действительно, рабочая, а часто общественная нагрузка были велики для одно-